

Н. В. Колычев

КОЛЫЧЕВ Николай Владимирович [24.10.1959, Мурманск] — поэт, переводчик, прозаик.

Родился в семье инженера пароходства. После окончания 8-летней и музыкальной школ в Кандалакше учился в Ленинградском арктическом училище (1975–77), откуда был отчислен за недисциплинированность. Служил в армии. Затем работал электриком, шофером. В авг. 1990 основал в с. Лувеньга, что недалеко от Кандалакши, одно из первых в стране фермерских хозяйств. Крестьянствовал 6 лет, 2 года из них работал фермером в Норвегии. С 1998 — в Мурманске, где живет лит. трудом. Член СП России с 1991.

Первые поэтические публикации К. состоялись в кандалакшских газ. в 1982, тогда же его стихи впервые увидели свет в столице — в альм. «Истоки». В 1987 вышла в свет первая книга поэта «**Учусь грустить и улыбаться**», после чего последовала серия публикаций в «толстых» лит. журналах «Нева» и «Север», альм. «Поэзия». Как отмечал в отклике на эти публикации И. Панкеев, герою стихов К. не дает покоя постигшая современников «эпидемия равнодушия». Причину этой беды «герой К. ...видит во все большем неумении людей любить друг друга: „...все беды на земле идут от вас, нелюбящие люди...“». Этот герой, по мнению критика, «опасается людей с нелюбящими сердцами, так

как они никогда не скажут о своей нелюбви: „Ведь нелюбовь провозглашать нельзя, / она всегда прикрыта тайной маски...“» (Панкеев И.— С. 4).

К. творит в русле традиционной поэзии. «Как подлинно русский поэт, он не поставил слово в услужение смеховой развлекательности или метафорической эквилибристике... Он выбрал некрасовско-рубцовское, главное русло русской поэзии...» — отмечает В. Тимофеев (С. 3). Среди его предшественников критики называли Сергея Есенина, Николая Рубцова и Павла Васильева. Наиболее заметна связь с Есениным, с идущей от него поэтической традицией. Поэты родственны и по интонации (залихватски-хулиганской порой, но, по сути, всегда отчаянно-грустной, бедовой), и тематически.

Как Есенин и Рубцов, К.— поэт подлинно национальный, очень русский. Тема Родины для него — главная, определяющая. Россия, родная земля так или иначе присутствует во всех стихах третьего его поэтического сб. «**Звонаря зрачок**» (1993). «Я люблю... Я верую в Россию! Жить нельзя без веры на земле...» — пишет поэт. Он остро, болезненно переживает сегодняшнее российское лихолетье. Стихи К. о совр. России страшат и ранят: «Вымираем... И женщинам страшно рожать...» («**Вымираем...**»). Россия К. трагична, но при этом, несмотря ни на что, прекрасна. Противоречивость русской жизни, где «то жизнь гармошку растянет», то «смерть гармошку сожмет», К. ощущает точно и зримо: «Россия — гармония противоречий...» Но, что бы ни происходило со страной, остаются нерушимыми, незыблемыми святыне для каждого русского человека ценности. Именно отсюда исходит уверенность поэта в неизменном восхождении «из дряни — к куполам золоченым», вера в то, что постигшее Родину несчастье временно.

Критики упрекали К. за то, что подчас в его поэзии «на смену метафорическому осмыслению приходит откровенная публицистика» (Рябинина Т.— С. 65). На это же указывает и Г. Иванов: «В стихах Николая слишком много страсти, которая зачастую идет от публицистического настроения поэта... Не надо крика. Крик вообще может убить поэзию...» (Иванов Г.— С. 79). И все же, как отмечают большинство исследователей творчества К., «поэт не капитулирует перед временем, выстоять в схватке с „веком-волкодавом“ ему помогает вера в Россию...» (Рябинина Т.— С. 65).

В поэтических этюдах К. привычные картины деревенской жизни наполняются глубо-

ким смыслом, получают эмоциональную окраску: «Мычит, как будто просит: „Пожалей!“ / Обиженно мычит, вот-вот заплачет, / И хочется жалеть и быть добрей / Тому, кто слышал этот плач телячий. / И радости счастливым холодком / Тончайший нерв задет и сладко стонет, / Когда телок шершавым языком / Выпрашивает ласку у ладоней...» («Теленок»).

Созвучно упомянутому стих. «Ветер, ветер...»: «Задержишься, пора ночная, на земле! / Не всходи на небо, алая заря!.. / Сколько лет скотину холил да жалел, / А наутро буду резать да шкурять...» Как отмечает критик, «с сотворения мира это — резать скотину, когда подойдет срок — было, и ни один поэт не решился тронуть это. И вот — переломился мир на этом, душа поэта переломилась!» (Маслов В.— С. 3). Это — крик, от которого становится страшно. Вместе с тем герой стих. понимает, что «резать да шкурять» — естественная для крестьянского бытия жестокость.

К. последовательно традиционен, чужд экспериментам в области формы. У него «стих сколочен крепко, поставлен, как добрая изба, и отделан даже с некоторым щегольством» (Андреева О.— С. 84). Если же говорить о содержании стихов, то здесь он не просто традиционен, но патриархален. Вековой, исконный уклад русской жизни лежит в основе его поэзии, это стержень, цементирующая идея мира, который создает в своих стихах поэт. Это особенно ярко проявляется в наиболее полном собрании стихов К. — изданной в Москве книге «И вновь свиваются снега...» (1997). И работа на земле — неотъемлемая часть мира, о котором нам рассказывает автор. «Дом» в его понимании — это патриархальный, крестьянский дом, с огородом, хозяйством. Для хозяина такого дома естественна спаянность с природой, как пишет К.: «Я ведь тоже природа — как ветер, как лес, как трава...»

Столь же естественна для патриархального крестьянского мира и вера в Бога. В стихах К. вера проявляет себя порой ярко и торжественно, но всегда достойно: «Здравствуй, сладкая Пасха! — веселье разлилось весенних. / Здравствуй, радостный свет — половодье растаявшей тьмы. / Мы воскреснем! Сегодня — не верить нельзя в воскресенье, / Потому что едины — и Бог, и природа, и мы...» («Пасха»). Стих. духовной тематики («Звонарь», «Прощеное воскресенье» и др.) в книге «И вновь свиваются снега...» составили отдельную главу.

В книгу К. «...Поэты выпадают в небо...» (2000) вошли стихи о поэте и поэзии,

в т. ч. поэтические посвящения Пушкину, Есенину, Рубцову, поэту-мурманчанину Владимиру Смирнову. К. глубоко и просветленно размышляет о доле поэта в России: «Но на Руси за Божий дар поэт всегда платил судьбою...» («Рубцов»), о сути поэтического ремесла. Как отмечают критики, К. осознает богоданность поэтического дара, для него очевидно, что возможность видеть то, что «шире воспринять», ниспослана свыше.

В начале XXI в. поэт обратился к прозе, на протяжении нескольких лет работая над романом о блаженном Феодорите Кольском и святом Трифоне Печенгском — первосвященнике саамов, коренного населения Кольского края.

Публиковался в ж. «Нева», «Роман-газ. XXI век», «Молодая гвардия», но наиболее тесные творческие связи у К. сложились с петрозаводским ж. «Север». К. — стипендиат СП России и Фонда мира (1992), лауреат премии администрации Мурманской области за достижения в области профессионального мастерства (1994).

Соч.: Цветы и люди. Мурманск, 1987; Учусь грустить и улыбаться. Мурманск, 1990; Звонаря зрачок. Мурманск, 1993; Звонаря зрачок = Kellonsoittajan Silmoterä / пер. на финский Марти Хининена. Мурманск, 1995; И вновь свиваются снега... М., 1997; Косолапые ботинки: стихи для детей. Мурманск, 2000; Поэты выпадают в небо... Мурманск, 2000.

Лит.: Панкеев И. Нелюбовь провозглашать нельзя // Лит. газ. 1988. 20 июля. С. 4; Маслов В. Спаси меня, земля! // Лит. Россия. 1994. 17 июня. С. 7; Рыжов А. Россия — мой пречистый Спас... // Заполярная руда. 1996. 25 дек. С. 2; Андреева О. Обрести свой голос // Мурманский берег. Мурманск. 1998. № 4. С. 77–93; Рябинина Т. Сад ветвящихся дорожек // Мурманский берег. Мурманск. 1998. № 4. С. 46–76; Иванов Г. Это набегают новые минуты // Роман-газ. XXI век. 1999. № 3. С. 78–79; Коржов Д. Есть радости на белом свете! // Север. 1999. № 9. С. 150–157.

Д. В. Коржов

КОЛЬЦОВ Михаил (настоящее имя Михаил Ефимович Фридлянд) [31.5(12.6).1898, Киев — 2.2.1940, Москва] — публицист, очеркист, фельетонист.

Родился в семье ремесленника. Учился в реальном училище г. Белостока, с 1915 — в Психоневрологическом ин-те (Петроград). Первые публикации — в ж. «Путь студенчества». Свидетель и участник Февральской и Октябрьской революций (1917), события которых отражены в очерках «Февральский март» (1920), «Октябрь» (1921–